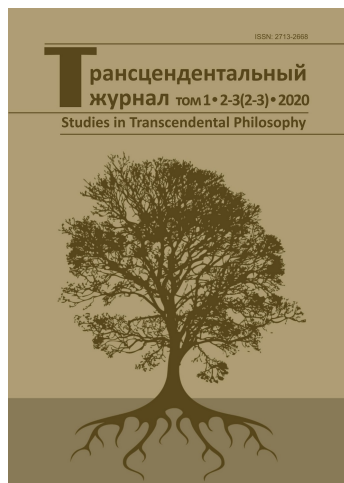

Трансцендентальный журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 2-3 Том 1. 2020

Как возможно продуктивное взаимодействие современных философских традиций? (Сравнительный анализ концепций времени в трудах Б. Рассела и Л. Тенгели)

Куликов Сергей Борисович

*директор, Томский государственный педагогический университет
634061, Томск, Киевская ул., д. 60*

Аннотация

В представленной статье сопоставляются точки зрения на время, сложившиеся в аналитической философии и в феноменологии и активно развивавшиеся Б. Расселом и Л. Тенгели. Цель исследования – выявить общий горизонт понимания времени в аналитической философии и феноменологии. Это позволит прояснить возможности продуктивного взаимодействия аналитической философии и феноменологии. Автор статьи полагает, что положительный ответ на этот вопрос может быть получен при условии проведения особого мысленного эксперимента. Эксперимент предполагает оценку восприятия времени в экстремальных обстоятельствах с точки зрения феноменологии и аналитической философии.

Ключевые слова: время, опыт, смысл, анализ, современная философия, компаративный подход

Дата публикации: 30.12.2020

Ссылка для цитирования:

Куликов С. Б. Как возможно продуктивное взаимодействие современных философских традиций? (Сравнительный анализ концепций времени в трудах Б. Рассела и Л. Тенгели) // Трансцендентальный журнал – 2020. – Том 1. – Выпуск 2-

¹ Введение. В представленной статье сопоставляются точки зрения на время, сложившиеся в аналитической философии и в феноменологии и активно развивавшиеся Б. Расселом¹ и Л. Тенгели.² В этом отношении важно отметить, что первая фигура классика аналитической философии в качестве представителя позиций данного направления вопросов не вызывает. Вместе с тем фигура безвременно ушедшего молодого феноменолога конца XX – начала XXI веков в качестве оппонента аналитической линии может показаться не равнозначной и выбранное направление исследований требует пояснений.

² Уточним, что Б. Рассел дал обобщенную картину аналитических представлений о знании, раскрыв там значение времени и источники получения знаний о нем. В современных условиях аналитики не создают настолько общих картин, ориентируясь на прояснения нюансов и тонкостей в области теории значения, философии языка, философии сознания и других вопросов. Это не значит, что в аналитической философии не создается общих концепций вообще.³ Не значит это и полное согласие с классиками (Л. Витгенштейном,⁴ Дж. Муром⁵ и др.). Скорее напротив, мало кто из аналитиков не критиковал основоположников. Но общность программы прослеживается, ибо установки на критицизм, опору на здравый смысл и анализ оснований аргументации в отношении той или иной группы знаний можно обнаружить уже в работах самих основоположников аналитической философии. Таким образом, если мы хотим обнаружить прогресс в изучении базовых тем, которыми занимаются в рамках данного направления, необходимо обращать внимание на новейшие работы. Но в случаях интереса к основополагающим способам постановки вопросов все-таки следует иметь в виду классиков.

³ Легко увидеть, что Л. Тенгели выступил в качестве яркого представителя новейшей феноменологии, который активно развивал идеи Э. Гуссерля,⁶ М. Хайдеггера,⁷ П. Рикера⁸ и других основоположников и который предложил оригинальные интерпретации «дикого региона» в жизненной истории или жизни-истории (учитывая разные варианты прочтения англ. термина *life-history*⁹ и его нем. аналога *Lebensgeschichte*¹⁰). Предложенные интерпретации выступают итогом развития феноменологических исследований за сто последних лет. Построение исследований в феноменологии отличается от тех, что можно обнаружить в аналитической философии. Здесь мы не увидим дробления тем и(или) уничижительных высказываний молодых феноменологов о классиках. Трудно обнаружить в феноменологии что-либо подобное скептическим выводам, которые сделал, скажем С. Крипке в отношении положений Л. Витгенштейна по вопросу так называемого «парадокса следования».¹¹ Совсем наоборот, с аналитической точки зрения можно выявить едва ли не дефицит критицизма в подаче классических идей в работах новейших феноменологов. Конечно, это не значит, что разбираемые ниже положения Л. Тенгели всего лишь дополняют идеи Э. Гуссерля или П. Рикера, как это может показаться на первый взгляд. Но

совершенно точно, что традиция исследований отличается от той, которой придерживаются в аналитической философии. Если аналитики обязательно стремятся добиться прогресса и предлагают новые аргументы в старых спорах, тем самым часто замещая имеющиеся теоретические положения новыми более точными, то представители феноменологии действуют иначе. В феноменологии критика классических (для феноменологии) идей имманентна самим этим идеям. Л. Тенгели не старается доказать обязательную верность своих представлений, противопоставляя их представлениям Э. Гуссерлю или П. Рикера. Он просто мягко корректирует имеющиеся воззрения, скажем, на жизненный мир, жизненную историю и(или) темпоральность, развивая идеи предшественников. Поэтому феноменологическая линия исследований может быть названа так с полным правом, ибо это действительно «линия». Такая линия не обязательно образует прямую, но точно гарантирует непрерывность. В действительности это может привести к формированию исследовательских траекторий по типу замкнутых кривых. Другими словами, геометрическим образом, иллюстрирующим деятельность феноменологов, вполне может выступить окружность или даже шар (если подойти стереометрически). Впрочем уже в древности круговое движение и шарообразность относились к выражению мыслимого совершенства.¹² Почему же и в современности следует действовать иначе?

⁴ В свете указанных особенностей двух ведущих современных направлений философии проясняется цель исследования. Автор полагает достижимым выявление общего горизонт понимания времени в аналитической философии и феноменологии. Это позволит получить ответ на вопрос, заявленный в заглавии статьи и прояснить возможности продуктивного взаимодействия аналитической философии и феноменологии.

⁵ Поставленная цель обуславливает основные исследовательские задачи: (1) уточнить позицию Б. Рассела как основоположника, задающего исследовательский стандарт (как минимум один из таких стандартов) концептуализации времени в аналитической философии; (2) реконструировать концепцию времени в работах Л. Тенгели, понимая его как одного из завершителей феноменологических штудий в отношении темпоральности и структур жизненного мира; (3) провести проверку полученных результатов, осуществив мысленный эксперимент, который покажет следствия каждой из затронутых концепций времени. Три раздела статьи представляют авторские решения каждой из поставленных задач.

⁶ Опыт как сырой материал знаний о времени у Б. Рассела. Уточнение позиции, отстаиваемой Б. Расселом относительно времени, его места и роли в знании, логично начать с семантических аспектов проблематики. В рамках аналитической философии, особенно в той версии, которая формировалась в работах Б. Рассела и «раннего» Л. Витгенштейна, достаточно проблематично найти ответ на вопрос «что есть время?». Вместе с тем вполне разумно задать вопрос, что значит высказывание «время есть...» или постараться понять, в каких контекстах и на каких основаниях данный термин используют. В частности, Б. Рассел отмечает следующее: «... казалось бы, слово “это” должно относиться к чему-то, что и прошлое, и настоящее.... Если мы считаем, что при описании структуры мира термины, которые должны быть просто названы, должны

включать “события”, которые однозначно определяются их пространственно-временным положением и логически неспособны повторяться, то мы должны сказать, что фраза “произошедшее” является неточной и должна быть заменена фразой “что-то очень подобное произошло”. Если, с другой стороны, считать, что “событие” может быть определено как совокупность качеств, каждое и все из которых могут повториться, то “произошедшее” может быть совершенно точным.... Следует отметить, что то, что мы подразумеваем под “прошлым” в историческом смысле, понимается нами в силу опыта наследования в пределах одного обозримого настоящего. Именно этот опыт заставляет нас понимать слово “предшествует”. Поэтому мы можем понять, что означает то, что x предшествует всему, что есть в особом настоящем, т. е. что x находится в прошлом. Существенным моментом является то, что время, которое происходит в обозримом настоящем является объективным, а не субъективным». ¹³ Эта цитата показывает, что высказывания, включающие отсылки к некоторым событиям по типу «это произошло [тогда-то]» принципиально неточны. Вполне можно согласиться с данным замечанием, ибо сама фраза «это произошло», которая должна отличить нечто от того, что «это происходит [сейчас]» как прошлое от настоящего, неявно предполагает то, что должна определить как прошлое и настоящее время. В такой ситуации действительно точнее будет применять аналогии «нечто похоже на то-то» и различия «нечто не похоже на то-то», чтобы соотнести или отличить нечто бывшее от чего-то наличного. Ключевыми моментами, по мысли Б. Рассела, оказываются опыт (фиксация происходящего) и объективность выделяемых последовательностей. Но такой интерпретации времени не вполне хватает, чтобы понять, а как все-таки точнее отличать то, что выделено от того, чего уже или ещё не выделено. Другими словами, негативное определение времени («такие-то высказывания неточны») необходимо дополнить определения положительным по типу «время имеет значение в таком-то отношении (контексте)».

7 Б. Рассел выделяет несколько контекстов употребления понятия времени, причём это достаточно дистанцированные друг от друга контексты следующего плана: «В физике существует независимая переменная t , значения которой, как предполагается, образуют непрерывный ряд, и каждый из элементов является тем, что обычно называют “моментом”. Ньютон рассматривал момент как физическую реальность, но современный физик не делает этого. Поскольку, однако, он продолжает использовать переменную t , он должен найти некоторую интерпретацию для её значений, и интерпретация должна служить техническим целям, которые служили “абсолютному” времени Ньютона.... Если мы хотим использовать переменную t , не предполагая абсолютного времени Ньютона, мы должны найти способ определения класса значений t , то есть, “моменты” не должны быть частью нашего минимального словаря». ¹⁴ Вышеупомянутое показывает, что наблюдения природных явлений требует точного определения прошлых, настоящих или будущих состояний объектов. Основным контекстом, в котором время имеет значение переменной для описания изменений наблюдаемых состояний, выступает физика. Б. Рассел напрямую говорит о физике Ньютона, где время (измерения длительности) соотносится с некоторыми абсолютными величинами. Но, как видно, нет существенных трудностей расширить область значения, не затрагивая семантику «моментов», но включив тем не менее

темпоральные измерения (время как меру), скажем, в физику Эйнштейна (одного из «современных физиков», о которых также говорит Б. Рассел без прямого упоминания фамилий). Да, значение термина меняется, приобретая все более метафорический смысл, но такое изменение не влечет полную замену словаря, а лишь его корректировку. В теории относительности у времени нет абсолютных значений, все зависит от точки наблюдения и скорости движения системы отсчёта. Вместе с тем время и с релятивистской точки зрения означает характеристику изменений состояний той или иной системы, переместилась она или осталась на месте, изменилась внешне или оказалась неизменной. Поэтому и в данном плане могут привлекаться «моменты времени», хотя уже и не в абсолютистском смысле.

8 Физика является не единственным контекстом, в котором понятие времени получает довольно точное значение, причём точность заключается не в системах измерения согласно заданным эталонам, а в строгости фиксации событий и применяемых для их описания временных рядов. Так, в социальном пространстве применяются описания, основанные на «общественном времени». Эти описания могут быть не полностью точными, как этого добиваются в физике, но вполне достаточным для фиксации тождества и(или) различия состояний социальных объектов. Близко к тому обстоят дела и в психологии. Рассел утверждает следующее: «...временные ряды, составленные из событий, которые я испытываю, идентичны временным рядам, построенным из событий, которые происходят с моим мозгом, или какой-то его части. Соответственно, я буду говорить о “биографии” части материи, а не только о “биографии”, связанной с опытом какого-то человека.... “Биография”, к которой относится событие, — это все события, которым оно предшествует, следует или накладывается. “Моментальный” — это совокупность событий, принадлежащих одной биографии, и имеющих два свойства, что (а) любые два события в их собрании накладываются, (б) никакое событие вне собрания не накладывается на всех членов собрания. Говорят, что событие “существует” в момент, если оно является элементом этого момента.... Не предполагается, что момент может принадлежать только одному временному ряду, и что событие может принадлежать только одной биографии. Но предполагается, что если а полностью предшествует b, то а и b не идентичны».¹⁵ Нетрудно увидеть, что время в социально-психологическом плане является мерой событий, оцениваемых людьми по аналогии с оценками событий в природе. Смысл такого времени не может быть выражен в абсолютной форме (т. е. время не есть буквально «часть мозга» или «часть материального предмета»). Но такое время и не тождественно какому-либо «субъективному времени», в значении произвольности измерений и(или) вымышленности явления в целом. Оценки последовательностей событий, т. е. описание что за чем следует могут различаться. Но в целом Б. Рассел полагает, что время, которое характеризует сами факты переходов одного состояния в другое, следует признать объективным.¹⁶

9 Ньюансы интерпретации понятия времени Б. Рассел фиксирует следующим образом: «Отношение “предшествующий”, или “ранний-и-поздний”, является элементом в опыте восприятия изменения, а также в опыте запоминания. Строго говоря, мы должны также добавить незамедлительные ожидания, но это менее важно. Когда я вижу быстрое движение, такое как падающая звезда, или облачные

тени в ландшафте, я осознаю, что одна часть движения раньше другой, несмотря на то, что вся она находится в одном обозримом настоящем; если я не знал об этом, я не должен был знать, было ли движение от А к В или от В к А, или даже что это изменение произошло. Когда движение достаточно быстрое, мы не воспринимаем изменения: если умело раскрутить пенни, то он приобретает вид диафанной сферы. Если движение воспринимается, оно не должно быть ни слишком быстрым, ни слишком медленным. Если оно удовлетворяет этому условию, оно дает опыт, из которого можно получить остроумные определения слов для временных отношений: “предшествующие”, “следующие”, “до”, “после”, “ранее”, “позднее”. Когда эти слова понятны, мы можем понять и такие предложения, как “А предшествует В”, даже когда А и В не являются частью одного обозримого настоящего, при условии, что мы знаем, что подразумевается под “А”, а что под “В”». ¹⁷ Приведенная цитата показывает, что время определяет содержание научных знаний на основе опыта, связанного со способностями человека, такими как восприятие и память, а также манипуляции с этими способностями.

¹⁰ В рамках выделенных отношений времени и опыта проясняется значение времени, которое оно имеет и в области повседневной жизни, и в научном познании. Источники знания о времени в этом плане имеют следующий характер: «Есть два источника нашего знания о времени. Один – это восприятие преемственности внутри обозримого настоящего, другой – это память. Запоминание можно воспринимать, и обнаруживается, что оно имеет качество большей или меньшей удаленности, в силу чего все мои нынешние воспоминания могут быть размещены в порядке времени появления. Но это время субъективно, и его надо отличать от исторического времени. В историческом времени настоящее берется относительно “предшествующего”, которое я знаю из опыта изменения в пределах обозримого настоящего. В историческое время все мои нынешние воспоминания есть сейчас, но, насколько они правдоподобны, они указывают на события в историческом прошлом. Нет никакой логической причины, почему какие-либо воспоминания должны быть правдоподобными; насколько может показать логика, все мои нынешние воспоминания могут быть именно такими, какие они есть, даже если бы никогда и не было исторического прошлого. Поэтому наше знание прошлого зависит от какого-то постулата, который не обнаруживается простым анализом наших нынешних воспоминаний». ¹⁸

¹¹ Итак, в концепции Б. Рассела время суть понятие, значение которого определяется различными контекстами, среди которых нет одного единственно верного и которые в целом отсылают к разнообразным видам памяти и опытным данным, целенаправленно собранным на основе некоторых постулатов. Характерно, что постулаты не выводятся из предшествующих событий и могут выполняться как бы с чистого листа, игнорируя воспоминания о состояниях дел, имевших место ранее. Поэтому время как способ описания последовательности объективно, хотя формы реализации этой объективности в достаточной степени вариативны и могут включать положения (постулаты), принимаемые без доказательств.

Сопоставление феноменологических представлений о времени с позициями, которые занимают в аналитической философии, логично начать с прояснения различий, характеризующими исследовательские стратегии в феноменологии и аналитической философии. В частности, это относится к идеям Л. Витгенштейна, которые обсуждает Л. Тенгели следующим образом: «Уместность этого предложения может быть подтверждена простым примером. Внезапно я увидел перед собой лист белой бумаги; я могу выразить это восприятие, сказав: “Я вижу перед собой лист белой бумаги”. Ранняя феноменология приписывает как-структуру выраженному восприятию, а также его концептуальному и языковому выражению. Говоря гуссерлиански, я могу даже сказать: “Всякий раз, когда я вижу перед собой лист белой бумаги, я распознаю объект своего восприятия как бумагу, и, в то же время, я признаю эту бумагу белой.” Однако было бы неверно описывать этот акт распознавания в кантианском ключе в результате применения концепции к вариациям интуиции. Термин “распознавание” предназначен здесь, напротив, для обозначения присущей ему черты восприятия, а не результата его синтеза с надлежащим концептуальным представлением. Я могу сказать, как сказал бы Витгенштейн, что я вижу объект передо мной как бумагу, а бумагу как белую. Видя-как... определяет структуру, свойственную восприятию. Можно утверждать, что именно эта структура обозначена Гуссерлем, уже в “Логических исследованиях”, как “восприятие”³. Что это не является неверным отождествлением, может быть показано методом вариации, который обычно является Гуссерлевым по происхождению. Лист белой бумаги в разных ситуациях имеет различную форму. При определенных обстоятельствах он выглядит как бумага, при других (например, во время курса геометрии), может быть, прямоугольником, и он может даже считаться просто как нечто белое, и так далее. Общий аспект остается во всех этих ситуациях одним и тем же; это не что иное, как его смысл».¹⁹ Из приведенной цитаты видно, что представители феноменологии ориентированы на познание смысла в виде «как-структуры», раскрывающей «нечто как нечто» в его различных вариациях.

¹³ В аналитической философии исследователи также апеллируют к понятию смысла и выделяют предложения осмысленные и бессмысленные. Но смысл интерпретируется несколько иначе, нежели в феноменологии. Еще Г. Фреге, который все-таки напрямую не являлся аналитическим философом, считаясь предтечей данной традиции, отождествлял в свое время смысл с субъективными ассоциациями, которые связывают знаки и их референты в единую структуру. С такой точки зрения смысл и значение различаются. В последующем смысл стал все более отождествляться со значением слов, которыми он может быть выражен в рамках высказываний (отдельные слова и выражающие их понятия точного смысла не имеют). В цитате выше «белый лист бумаги» воспринимается как нечто «белое» и как лист» в феноменологии, а в русле идей Л. Витгенштейна тот же «белый лист» по смыслу может быть истолкован в рамках сентенции «я вижу белый лист бумаги». Поэтому выше Л. Тенгели несколько, так сказать, «гуссерлизирует» подход, свойственный Л. Витгенштейну.

¹⁴ В целях детализации представлений о смысле в феноменологии следует подробнее остановиться на примере, который приводит Л. Тангели. Поскольку в

феноменологии смысл достигается в результате распознавания вещей в так, как они есть «как таковые», то и упомянутый лист белой бумаги, по своему смыслу, который раскрывается уже и в границах чувственного восприятия, есть «нечто белое» и «нечто бумажное» в рамках чувственного восприятия. Именно в данном плане актуализируется «как-структура», позволяющая понять (распознать) вещь как нечто воспринимаемое именно в таковом качестве, т. е. данное как итог синтеза актов сознания, среди которых чувственное восприятие первый, но очевидно не единственный способ данности объектов (например, в геометрическом прочтении лист бумаги – воплощение абстрактного понятия прямоугольника).

¹⁵ Важным моментом феноменологической стратегии познания, достаточно резко отличающим это направление от аналитической философии, выступает особая интерпретация опыта. В аналитической философии, во всяком случае на ранних этапах, опыт отождествлялся с накоплением данных, которые получались в результате наблюдения и эксперимента и служили основой для выдвижения логических моделей (картин мысли) их последующей интерпретации. Каким же образом опыт понимается в феноменологии, если он не связан с накоплением, пользуясь выражением Б. Рассела, «сырых материалов знания»? Л. Тенгели сообщает следующее: «Следовательно, опыт всегда бьет в больную точку; он режет по живому, задевает за живое; другими словами, он обладает характерной остротой. Именно поэтому опыт, в своей первоначальной форме – по мере накопления достижений – является живым опытом, принадлежащим к собственной жизненной истории и его правильно выражать в единственном числе от первого лица».²⁰ Из этого видно, что опыт в феноменологии – это «достижения» или даже «прибыль», которые исследователи получают как итог отдельных (остро-рискованных) предприятий, грозящих и неудачами в качестве возможных итогов. Привлеченная метафора позволяет понять опыт как своего рода инвестицию, которую исследователь делает в исследуемые объекты в надежде получить от них отдачу. Возможно накопление позитивных результатов, а возможен и оглушительный провал. Такой процесс влечет за собой необходимость восприятия объектов как явлений, вступивших с исследователем во взаимный обмен. Поэтому опыт не приводит к формированию застывших «мертвых» картин. Опыт связан с формами жизненных, причем индивидуальных (от первого лица) действий и переживаний на этот счет.

¹⁶ Оригинальная интерпретация опыта позволяет особым образом раскрыть суть времени в феноменологии, о которой Л. Тенгели говорит следующее: «Время обладает почти волшебной силой модифицировать без изменения: оно придает каждому живому опыту характер прошлого, не касаясь его содержания. Таким образом, временная модификация представляется совершенно уникальным видом изменений: трансформация, которая не предполагает никакого снятия или отрицания и не порождает никаких реальных различий; трансмутация, которая, следовательно, не исключает распознавания, идентификации или даже повторения одного и того же».²¹ Из приведенной цитаты видно, что в феноменологии не следует ожидать строго научных определений времени, как того стараются достичь сторонники аналитической философии. Привлекаются метафоры, в

частности образ «волшебной (магической) силы», алхимической «трансмутации» и другие образы. Сквозь призму привлеченных метафор Л. Тенгели показывает, что время есть способ модифицировать что-либо без внесения инаковости, т. е. без реального изменения. Тем самым философское исследование отчасти начинает апеллировать к способам деятельности, которые обычно характеризуют художественную литературу или даже фантастику.

¹⁷ Метафоричность описания времени затрудняет прямую фиксацию содержания данного понятия. Действительно, нельзя же серьезно относиться к характеристике вида «время – это волшебная (магическая) сила». Л. Тенгели опирается на труды П. Рикера и Э. Гуссерля для упрочнения собственной позиции. В этом плане отмечено следующее: «Рикер добавляет, что этот Гуссерлев взгляд на время может быть подтвержден языковой или грамматической аргументацией.⁴ Можно поместить глагол “быть” в прошедшее время (или, в этой связи, в будущее время), не отрицая его. Следовательно, временная модификация оказывается положительной модификацией, которая сама по себе не имеет ничего общего с различием, изменчивостью и отрицательностью. Поэтому можно утверждать, что в определенном смысле это уже не обязательно предполагает, “было...”⁵». ²² Из приведенной цитаты ясно, что смысл времени раскрывается через язык, но выполняется это иначе, нежели в аналитической философии, где язык понимается достаточно натуралистично. В интерпретации Л. Тенгели, ссылающегося на П. Рикера, речь очевидно идет о языке литературном и даже поэтическом. Автор этой статьи предлагает ниже интерпретацию таких представлений о связи смысла времени и (художественного) языка.

¹⁸ Важно обратить внимание на то, что феноменологический подход к пониманию времени противостоит физикалистским способам интерпретации времени, развивающимся от Аристотеля до Эйнштейна и Стивена Хокинга. В связи с этим время, выраженное в языке, выражается иначе, нежели попытки свести его смысл к высказываниям по типу «время есть длительность», «время есть переменная t в физике, выражающая отдельные “моменты”» и другим аналогичным. Время, как показано выше, — это скорее раздел практической магии, а не теоретической науки. В этом плане Л. Тенгели полагает возможным сделать следующий вклад в развитие феноменологической интерпретации времени: «Я предполагаю, что феноменологические соображения о времени должны быть сосредоточены на опыте, а не на восприятии или на самоидентичности в истории жизни. Здесь термин “опыт” следует принимать в том сильном смысле, который был ему присвоен в ходе наших рассуждений. Подразумевается, что это относится к спонтанному формированию нового смысла, который возникает, так сказать, за спиной сознания, срывая все прежние ожидания. Следовательно, это указывает на иное, нежели самоидентичность, на непреодолимую изменчивость в истории жизни, которая иногда внезапно дает ей радикальный поворот. Это извержение неизбежно оставит свой след во временной структуре опыта». ²³ Из приведенной цитаты ясно, что время следует понимать через опыт складывания самоидентичности в жизненной истории (Lebensgeschichte) или жизни-истории (от англ. life-world). Термин «опыт» берется

в строгом феноменологическом смысле как решительное достижение (возможно даже победа), совершенное в живом действии самим решившимся на это деятелем.

19 Связь времени и жизненной истории раскрывается Л. Тенгели следующим образом: «Рождение, происхождение, унаследованная традиция: это все факты, которые мы не в состоянии изменить. Однако они ни в коем случае не несут ответственности за инициирование того, что чуждо нашему Я в нашей жизненной истории, поскольку эти фундаментальные факты предшествуют всем зарождениям, от которых мы могли бы претендовать на живую или яркую реальность опыта для нашей жизненной истории; это подразумевает, что эти факты передаются нам словами других, т.е. всегда в более или менее готовых интерпретациях. Однако в этих интерпретациях есть общая черта: они несут в себе фиксацию чувств, которые делают вышеуказанные факты наиболее специфическими элементами, относящимися к нашей самоидентичности».²⁴ Из приведенных высказываний видно, что время обеспечивает конституирование самоидентичности путем структурирования жизненной истории (жизни-истории). Способы такого конституирования Л. Тенгели описывает так: «...формирование нашей самоидентичности находит свой первоисточник в самоидентичности смысла, возникающего самим собой. Для учета этой связи необходимо будет ввести три понятия. Эти понятия: “инициатива,” “предприятие” и “приключение.” Их можно кратко охарактеризовать следующим образом: 1. Когда в нашей жизненной истории появляется новый смысл, нас побуждают изменить распространение уловленных смыслов и отодвинутых в сторону смыслов. Эта попытка здесь будет называться инициативной. То, что мы оказываемся включенными в диакритическую систему всегда как уловленных, так и отодвинутых смыслов, становится ясно для нас – или, по крайней мере, нашим рассветом – когда нас впервые побуждают к такой инициативе. 2. Инициатива раскрывается в каком-то смысле становления, что одновременно означает фиксацию самоидентичности в истории жизни. Тем не менее, изменение распространения смыслов, захваченных и отодвинутых в сторону, становится в то же время отправной точкой формирования смысла, возникающего самим собой. Это формирование смысла не только становится основой и точкой отсчета фиксации самоидентичности, но и связывается с ней как часть единого процесса. Этот унифицированный процесс можно назвать предприятием. 3. Фиксация самоидентичности в определенном смысле, поскольку она связана с формированием смысла, возникающим самим собой, — это может пониматься как формирование самоидентичности. Формирование самоидентичности всегда вписывается в рамки начинаний. Каждое начинание относится к инициативе, которая привела к изменению распространения смыслов, захваченных и отодвинутых в сторону. Хотя мы выступаем с такой инициативой как признак нашей свободы, мы можем привести к процессам, которые часто выходят из сферы действий под нашим контролем и становятся неуправляемыми. Поэтому каждое начинание — приключение. Это не только приключение нашей самоидентификации, но и, в то же время, приключение в таком смысле: “*aventure du sens*” (фр. «приключение смысла»)).²⁵

Приведенные высказывания позволяют заключить, что время играет фундаментальную роль в конституировании жизненной истории. Важно еще и то, что как таковое понятие времени играет роль подручного средства, которое отбрасывается в случаях решения одних проблем и инициализации обсуждения других вопросов. Данный вывод справедлив уже при констатации простого факта, что понятие времени, фигурируя в посылках постановки вопросов о темпоральности опыта, не фигурирует в явном виде в выводах относительно тех же вопросов помимо использования оборота «в то же время» (at the same time). Напротив, понятие времени и темпоральности уступает место понятиям «инициативности», «предприятия» и «приключения». Все эти моменты жизненной истории зависят от времени, но, получается, что напрямую на него не указывают. В дальнейшем Л. Тенгели возвращается к фундаментальному смыслу времени (в виде «времени Вселенной»),²⁶ но прямых ссылок на проведенный им анализ темпоральности не дает.

²¹ Итак, на текущем этапе исследования положительный ответ на поставленный в заглавии вопрос «Как возможно продуктивное взаимодействие современных философских традиций?» в рамках концептуализации времени выглядит все еще достаточно проблематичным. Два ответа (1) «никак невозможно» и (2) «примерно так, как возможно взаимодействие науки и искусства (художественной литературы)» не могут быть признаны полностью удовлетворительными. Первый ответ заводит в тупик, второй – выводит за пределы философии в область смежных явлений духовной культуры. Вместе с тем вопрос формулировался относительно философских традиций. Поэтому и ответ должен быть получен в терминах философии, а не науки (пусть и гуманитарной) или искусства (пусть и литературного). Автор статьи полагает, что положительный ответ в указанном отношении возможен, полагая, что его можно обнаружить при условии проведения мысленного эксперимента, результаты которого представлены в следующем разделе статьи.

²² Мысленный эксперимент для демонстрации возможностей по интерпретации времени в феноменологии и аналитической философии.

В целях мысленного эксперимента представим следующую ситуацию: Грузовой автомобиль, загруженный лекарствами, едет на большой скорости по мосту. Внезапно мост перед автомобилем рухнет вниз. У водителя остается буквально несколько секунд до того, как его автомобиль рухнет с моста. Как водитель будет воспринимать ситуацию в плане времени?

²³ Феноменологическая характеристика ситуации может быть представлена в следующем виде. Ключевые понятия феноменологической линии исследований – опыт и смысл. Отличия в интерпретации этих понятий от подходов, сложившихся в других линиях развития философских исследований, показаны выше. В данном разделе просто суммируем. Согласно Л. Тенгели, опыт связан с накоплением достижений, он всегда живой и субъектный (т. е. отсылает к какому-то субъекту, но необязательно субъективный в значении «произвольный»). Смысл есть распознавание объектов в рамках как-структуры (понимание «нечто как нечто»), которые появляются как итог выполнения актов сознания (чувственное восприятие, абстрактное мышление и т. д.). В этом отношении время есть сила

изменений без различия, которая является основой жизненной истории (жизни-истории). Такое прочтение помогает реконструировать ситуацию с едущим по обрушившемуся мосту автомобилю следующим образом:

²⁴ Необходимо ответить на два вопроса: (1) что и когда происходит, т. е. в чем смысл ситуации? (2) как время (сила изменений) обуславливает происходящее (причем время понимается в отрыве от его физикалистских интерпретаций)? На эти вопросы можно ответить следующим образом (первые три момента относятся к первому вопросу, последующие – ко второму):

²⁵ Во-первых, водитель, обладая живым опытом в рамках которого выстраивается как-структура событий: водитель видит лобовое стекло (нет сведений о его отсутствии), через которое видна передняя часть машины (капот, колеса и т.д.) и целая часть моста, а в отдалении водитель обзорекает обрушенную часть моста и конец пути.

²⁶ Во-вторых, память подсказывает водителю, что движение автомобиля по мосту обычно приводит к пересечению этого моста (или ранее был получен удачный в плане выживания водителя опыт автомобильных катастроф на мостах). В текущий момент стандартные действия (движение машины, пересекающей мост) дополняются дополнительными признаками: водитель видит как обрушенная часть моста, который в стандартной ситуации должен соединять два берега, быстро приближается к нему (хотя с точки зрения внешнего наблюдателя, конечно, это машина приближается к обрыву, ибо машины движется, тогда как мост покоится).

²⁷ В-третьих, водитель обладает как минимум двумя планами распознавания ситуации: непосредственное наблюдение и оценка с точки зрения человека, ранее водившего автомобиля через мосты. Предположение, что водитель впервые сел за руль допустимо, как и то, что он впервые выехал на мост и не знает, что ситуация обрушения нестандартна. Но в таком случае неизбежно заключение, что у водителя нет опыта взрослого человека (он не водил автомобиль и не видел мостов в прошлом), либо имеются нарушения когнитивных функций, при которых прошлый опыт, полученный от окружающих, не переносится в пространство личного опыта. Предположить такое нарушение нет оснований, поэтому ситуация раскрывается как цепочка событий, сложившаяся для человека, как минимум умеющего управлять автомобилем и знающего, что нормальные мосты (как средства соединения берегов) разрушены быть не должны и целый (неразрушенный) мост автомобиль (как движущее средство, созданное для этих целей) обычно пересекает (непересечение моста движущимся автомобилем означает какую-либо проблему: остановка автомобиля водителем, поломка автомобиля, болезнь водителя, падение с моста автомобиля, падение с моста водителя и т.д.).

²⁸ В-четвертых, время позволяет зафиксировать последовательность событий, влекущих изменения представлений водителя о складывающейся ситуации. Стандартно понятые автомобили (как средства передвижения и(или) перевозки грузов) и их водители (как умеющие управлять автомобилем), а также мосты (конструкции, соединяющие берега) и их преодоления (пересечения),

которые в прошлом обычно выполняли свои функции, в настоящий момент выполняют их неполностью. Автомобиль не пересекает мост из-за его неожиданного разрушения, а водитель не может в полной мере выполнить свою функцию и пересечь мост, управляя автомобилем.

²⁹ В-пятых, жизненная история водителя приобретает особые очертания: рождение, получение необходимых навыков вождения, реализация этих навыков, непредвиденное препятствие для полной реализации навыков. Дальнейшее развитие событий, связанное с пониманием вариантов будущего, раскрывает возможности (а) падения с обрушившегося моста вместе с автомобилем, (б) остановку на краю моста, (в) падение автомобиля без водителя (если он успел покинуть автомобиль), (г) падение водителя с автомобилем (вариант, когда автомобиль покинут, но падения избежать не удалось), (д) падение водителя без автомобиля (водитель покинул автомобиль и упал с моста, но автомобиль зацепился и не упал). В этом плане прошлое выглядит как цепочка связанных между собой событий: обучение вождению, выбор маршрута, непосредственная поездка. Настоящее оказывается случайным событием, в рамках которого возникает нештатная ситуация в ходе поездки. Будущее в данной ситуации оказывается многовариантным, но такая многовариантность обусловлена нестандартным характером настоящего (наличием незапланированного происшествия с мостом).

³⁰ Таким образом, раскрывается смысл происшествия на мосту: автомобиль и водитель пали жертвой случайных событий, необходимо приводящих к многовариантности развития этих событий. Водитель в этом контексте обладает несколькими планами распознавания ситуации, ведущим из которых оказывается детерминированность прошлого и будущего, на которую накладывается индетерминированность событий в настоящем.

³¹ Ситуация с точки зрения аналитической философии выглядит несколько иначе. Описания времени как моментов «этого» и «того», в рамках которых обнаруживается значение «настоящего» и «прошлого» не вполне точны. Требуется опыт, фиксирующий изменения ситуации «теперь» в состояние «было». Отсюда такие моменты гипотетически аналитического отношения водителя к моменту до падения автомобиля: (1) что точно происходит? (2) как можно описать то, что происходит?

³² Опыт свидетельствует: мост взорван, это уже «прошлое»; автомобиль «скоро» рухнет. Что значит «скоро»? Можно различить такие контексты, определяющие значение «скоро», а именно физическое состояние моста и автомобиля: мост разрушен, автомобиль продолжает движение и, если не остановится, то упадет, а также психологическое состояние водителя и его действия в соответствии с имеющимся состоянием. При этом физический контекст понимания времени содержит два следующих варианта его интерпретации: абсолютистский (от Ньютона) и релятивистский (Эйнштейн) варианты. Затронем каждый из вариантов по-отдельности, чтобы в дальнейшем проанализировать психологический способ интерпретации времени в сложившейся экстремальной ситуации.

С абсолютистской точки зрения все процессы в различных частях Вселенной протекают аналогичным образом (синхронно), и есть некая точка (система отсчета), заняв которую наблюдатель может определить: «это» было «раньше», чем было «то». В частности, мост рухнул, допустим, три минуты назад и скорость автомобиля слишком велика для того, чтобы он мог затормозить до того момента, когда упадет с разрушенного моста. Последовательность событий сопоставляется с системой мер, которая свидетельствует: объект А (мост) рухнул раньше чем объект Б (автомобиль) остановил свое движение. В силу физических причин (масса, инерция, скорость, определенный характер расстояния и т. д.) время t_1 меньше времени t_2 , которое требуется для изменения состояния автомобиля, т. е. чтобы ситуация могла измениться так, что водитель успел нажать тормоз, а автомобиль – остановиться и не рухнуть с моста.

С релятивистской точки зрения процессы в различных частях Вселенной протекают асинхронно и зависят от скорости движения тел друг относительно друга. Есть максимальная скорость – скорость света c , от которой зависят измерения в различных системах, причем чем ближе движение к скорости свет, тем сильнее расхождения в измерениях (длины тел и протекания времени). С этой точки зрения не существует абсолютной системы отсчета, нахождение наблюдателя в которой позволяют измерить время T_1 в отдельно взятой системе, которое отсылает к прошлому событию, и зафиксировать его обязательно меньший размер относительно времени T_2 события в рамках другой системы отсчета. Измерения будут зависеть от скорости одной системы относительно другой и в случаях близости скорости света течение времени будет либо ускоряться (для систем с меньшей скоростью) или замедляться (для систем с большей скоростью). Время для системы отсчета со скоростью близкой к скорости света будет уменьшаться относительно системы, двигающейся с меньшей скоростью и наоборот. С такой точки зрения время в кабине автомобиля, двигающегося по мосту, и время, протекающее в рамках ситуации падения моста, должно измеряться относительно как минимум двух систем отсчета. Первая связана с мостом, вторая связана с автомобилем. Мост покоится относительно автомобиля, скорость автомобиля выше, и движение времени для водителя замедляется относительно моста, который упал и для которого время течет быстрее относительно автомобиля. Конечно, трудно представить даже гипотетически, что автомобиль сам (вне космического корабля) двигается со скоростью, близкой к скорости света, поэтому так называемые релятивистские эффекты будут незначительны. Тем не менее в силу различного течения времени автомобиль приблизится к краю моста либо быстрее (по времени), либо медленнее для различных наблюдателей (наблюдатель А в кабине автомобиля будет фиксировать замедление, наблюдатель Б на краю моста, напротив, - ускорение хода времени на часах, пусть разница и окажется минимальной). Нам важна позиция наблюдателя А, которая связана с автомобилем и которую занимает водитель. Для водителя время в физическом плане будет идти чуть медленнее, точнее таковы будут результаты измерений, пожелай водитель их совершить.

В рамках аналитической философии, в которой следует помнить, что роль опыта и способов описания полученных опытным путем результатов

принципиально важны (по крайней мере так у Б. Рассела), от времени физического, которое измеряется часами, отличается время социально-психологическое, которое соответствует наблюдениям изменений и их фиксации в памяти. С этой точки зрения важно понимать, какое событие фиксируется как случившееся «раньше», а какое как «позже». Такое время нельзя считать субъективным в том смысле, что ситуации «до» и «после» фиксируются произвольно. Последовательности А и Б (первое после второго или второго после первого) могут различаться по мере их фиксации в памяти, но само наличие последовательности от произвола наблюдателя не зависит. В затрагиваемом случае есть ряд событий, последовательность которых может различаться при непосредственном наблюдении (для водителя автомобиля) и, скажем, при составлении протокола происшествия в дальнейшем. Событие А – движение автомобиля по мосту предшествует событию Б (падение моста) и событию В (крушение автомобиля), либо же событию Г (остановки автомобиля на краю моста и далее варианты – Г₁ (спасение водителя и автомобиля), Г₂ (спасение водителя, но гибель автомобиля) и т.д.). По понятным соображениям, последовательности события А и Б не меняются ни при каких обстоятельствах. А вот события В и Г меняются в зависимости от того, когда их фиксируют. Для водителя – это альтернатива В или Г, для составителя протокола имеет место быть примерно та же ситуация, но со строгой дизъюнкцией либо В, либо Г, поскольку уже известно, упал или не упал автомобиль с моста. Как видно из приведенных соображений, последовательности различаются (для составителя протокола нет вариантов рядов Г или Д, для водителя они имеются), но сам их характер фиксируется вполне объективно.

³⁶ Возвращаемся к вопросу о значении «скоро». С физической точки зрения это «скоро» измеряется по Универсальным Часам, либо зависит от относительности позиций наблюдателя(-ей). С социально-психологической точки зрения «скоро» зависит от того, когда велись наблюдения. В момент движения по рухнувшему мосту можно сказать, что «скоро» тождественно «никогда» для альтернативных вариантов разворачивания ситуации; в момент воспроизведения событий в памяти «скоро» для реализованных моментов значит «до момента реализации» и «никогда» для нереализованных моментов. В целом водитель, избери он позицию аналитического философа, должен определиться, какой (физической или психологической) контекст для него предпочтительнее и воспринимать события и время их складывания именно с выбранной точки зрения. Совмещение позиций тоже теоретически возможно, но, как подсказывает здравый смысл, для такого синтетического варианта просто не останется времени ни в каком значении этого термина.

³⁷ Заключение. Проведенные исследования позволяют выявить существенные расхождения в понимании времени в аналитической философии и феноменологии, репрезентированных Б. Расселом и Л. Тенгели. Главный пункт, в котором расходятся представители двух ведущих направлений современной философии, заключается в трактовке смысла времени и его роли в опыте.

³⁸ С точки зрения представителей аналитической философии, где опыт понимается в целом как процесс накопления данных наблюдения и их

экспериментальной проверки, время наделяется смыслом в рамках измерительных процедур. Эти процедуры имеют во многом принципиальное отличие в естественных науках и в социально-гуманитарном познании. Они отсылают к природным и социокультурным способам измерения и потому связаны с движением природных объектов, а также историческим развитием общества и человека. Общим для понимания времени в рамках аналитической философии является возможность применить строго научный подход и представить время в абсолютном или относительном плане как объективную шкалу для фиксации и соотнесения последовательностей.

³⁹ В феноменологии опыт интерпретируется расширительно, как любой способ получения положительных результатов, обеспечивающих прирост знаний и представлений. В этом ключе опыт не ограничивается рамками наблюдений и экспериментов. Л. Тенгели показывает вариации понимания опыта в феноменологии, которые в целом отсылают к путям осознания сути вещей, распознанных как таковые, т. е. в полном соответствии с характеристиками собственного существования (присутствия, жизни). Поскольку в таковом качестве вещи распознаются тем, кто обращен к ним с целью распознавания, то на этом пути опыт предстает в качестве накопления вариаций как-структур, конституирующих способы данности смысла вещей (в чувственном плане, в научном, в эстетическом и т. д.). Время в феноменологии совпадает со способами структурирования изменения вещей, которые распознаются в способах данности посредством включения в жизненную историю как нарративы. Такой подход позволяет расширить арсенал философских средств познания, включив в его состав возможности метафорических описаний и тем задействовав познавательные средства искусства (художественной литературы).

⁴⁰ Автор выполнил мысленный эксперимент, в котором экстремальная ситуация (обрушение моста под движущимся грузовым автомобилем) позволила оценить интерпретации времени в феноменологии и аналитической философии. С феноменологической точки зрения ситуация трактуется как цепочка случайных событий, необходимо приводящих к многовариантности развития ситуации. В этом контексте раскрывается несколько планов распознавания, ведущим из которых оказывается детерминированность прошлого и будущего, на которую накладывается индетерминированность событий в настоящем. В рамках аналитической философии ситуация трактуется как необходимость определения предпочтительного контекста (физического, психологического и т. д.) для восприятия событий и времени их складывания именно с выбранной точки зрения. Дальнейшие действия детерминированы сделанным выбором. Общим горизонтом понимания, в котором могут продуктивно развиваться два направления философии, видятся два момента, таких как (1) вариативность и (2) корреляция между временем и выбором стратегии поведения. Реализация действий (не только познавательных) в раскрытом горизонте существенным образом отличается в зависимости от выбранной философской позиции. Но потенциальная общность свидетельствует о том, что дальнейшие поиски в этом направлении могут привести к дополнительным положительным результатам. Причем эти результаты не требуют исключения одного из направлений философии в пользу другого, либо

же выход за пределы философии в область других сфер духовной культуры, таких как искусство или религия.

Примечания:

1. Russell B. Human knowledge: its scope and limits. London: Routledge, 2009.
2. Tengelyi L. The wild region in life-history. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2004.
3. Moore G.E. Philosophical studies. New York: Harcourt, Brace & Co., Inc.; London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1922.
4. Wittgenstein L. Tractatus Logico-philosophicus. London: Routledge & Kegan Paul, 1922.
5. Moore G.E. Philosophical Studies. New York: Harcourt, Brace & Co., Inc.; London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1922.
6. Husserl E. Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Vol. 9. Halle a. d. S.: M. Niemeyer 1928.
7. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: M. Niemeyer, 1979 (1927).
8. Ricoeur P. Life in quest of narrative // On Paul Ricoeur. Narrative and interpretation. Edited by D. Wood. London and New York: Routledge, 1991.
9. Tengelyi L. The wild region in life-history. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2004.
10. Tengelyi, L. Der Zwitterbegriff Lebensgeschichte. München: Fink, 1998.
11. Kripke, S. A. Wittgenstein on rules and private language: an elementary exposition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1984.
12. Popper K. R. The world of Parmenides. London and New York: Routledge, 1998.
13. «...it would seem that the word ‘that’ must refer to something which is both past and present. ... If we consider that, in describing the structure of the world, the terms which must be merely named must include ‘events’, which are uniquely defined by their spatio-temporal position, and are logically incapable of recurring, then we must say that the phrase ‘that occurred’ is inaccurate, and should be replaced by ‘something very like that occurred’. If, on the other hand, we hold that an ‘event’ can be defined as a bundle of qualities, each and all of which may recur, then ‘that occurred’ may be completely accurate. ... It should be observed that what we mean by ‘the past’ in the historical sense is understood by us in virtue of the experience of succession within one specious present. It is this experience that makes us understand the word ‘precedes’. We can then understand: ‘If y is in the specious present, x precedes y.’ We can therefore understand what is meant by saying that x precedes everything in the specious present, i.e. that x is in the past. The essential point is that the time that occurs in the specious present is objective, not subjective (Russell B. Human knowledge: its scope and limits. London: Routledge, 2009. P. 190-191).
14. «In physics there is an independent variable t, the values of which are supposed to form a continuous series, and each to be what is commonly called an ‘instant’. Newton regarded an instant as a physical reality, but the modern physicist does not. Since, however, he continues to use the variable t, he must find some interpretation for its values, and the interpretation must serve the technical purposes that were served by Newton’s ‘absolute’ time. ... If we are to use the variable t without assuming Newton’s absolute time, we must find a way of defining the class of values of t, that is to say, “instants” must not form part of our minimum vocabulary» (Ibid, p. 236-242).
15. «...the time-series constituted out of events that I experience is identical with the time-series constructed out of events that happen to my brain, or some part of it. Accordingly, I shall speak of the ‘biography’ of a piece of matter, not only of the ‘biography’ connected with some person’s experience. ... The ‘biography’ to which an event belongs is all the events that it precedes or follows or overlaps. An ‘instant’ is a collection of events belonging to one biography, and having the two properties that (a) any two events in the collection overlap, (b) no event outside the collection overlaps with all the members of the collection. An event is said to ‘exist at’ an instant if it is a member of that instant. ... It is not assumed that an instant can only belong to one time-series, nor that an event can only belong to one biography. But it is assumed that, if a wholly precedes b, then a and b are not identical» (Ibid, p. 1948/2009, 241).
16. Ibid, p. 191.
17. «The relation of ‘preceding’, or of ‘earlier-and-later’, is an element in the experience of perceiving a change, and also in the experience of remembering. Strictly speaking, we ought also to add immediate expectation, but this is of less importance. When I see a rapid movement, such as that of a falling star, or of cloud-shadows in a landscape, I am aware that one part of the movement is earlier than another, in spite of the whole being comprised within one specious present; if I were not aware of this, I should not know whether the movement had been from A to B or from B to A, or even that change had occurred. When a movement is sufficiently rapid we do not perceive change: if you spin a penny very efficiently, it takes on the appearance of a diaphanous sphere. If a motion is to be perceived, it must be neither too fast nor too slow. If it

satisfies this condition, it provides experiences from which it is possible to obtain ostensive definitions of the words for temporal relations: 'preceding', 'succeeding', 'before', 'after', 'earlier', 'later'. When these words have come to be understood, we can understand such sentences as 'A precedes B' even when A and B are not part of one specious present, provided we know what is meant by 'A' and what by 'B'» (Ibid, p. 186-187).

18. «There are two sources for our knowledge of time. One is the perception of succession within one specious present, the other is memory. Remembering can be perceived, and is found to have a quality of greater or less remoteness, in virtue of which all my present memories can be placed in a time-order. But this time is subjective, and must be distinguished from historical time. Historical time has to the present the relation of 'preceding', which I know from the experience of change within one specious present. In historical time, all my present memories are now, but in so far as they are veridical they point to occurrences in the historical past. There is no logical reason why any memories should be veridical; so far as logic can show, all my present memories might be just what they are if there had never been any historical past. Our knowledge of the past therefore depends upon some postulate which is not to be discovered by mere analysis of our present rememberings» (Ibid, p. 191).

19. «The pertinence of this suggestion can be attested to by a simple example. All of a sudden, I catch sight of a sheet of white paper in front of me; I may express this perception by saying, "I can see a sheet of white paper in front of me." Early phenomenology attributes an as-structure to the expressed perception, as well as to its conceptual and linguistic expression. To put it in Husserlian terms, I may even say, "Whenever I catch sight of a sheet of white paper in front of me, I recognize the object of my perception as paper, and, at the same time, I recognize this paper as white." It would, however, be misleading to describe this act of recognition, in a Kantian vein, as a result of the application of a concept to the manifold of an intuition. The term recognition is designed here, on the contrary, to indicate an inherent feature of perception rather than the outcome of its synthesis with a properly conceptual representation. I may say, as Wittgenstein would probably put it, that I can see the object in front of me as paper and the paper as white. Seeing as . . . specifies a structure peculiar to perception. It may be claimed that it is this structure which is designated by Husserl, already in *Logical Investigations*, as "perceptual sense."³ That this is not an improper correspondence can be shown by a method of variation which is typically of a Husserlian provenance. A sheet of white paper takes different shapes in different situations. Under certain circumstances, it appears as paper, under others (for instance, during a course in geometry), maybe, as a rectangle, and it may even count simply as something white, and so forth. The general aspect remains in all of these situations one and the same; it is nothing but its sense» (Tengelyi L. *The wild region in life-history*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2004. P. 4).

20. «Consequently, experience always touches a sore point; it cuts to the quick, it strikes home; it has, in other words, its characteristic poignancy. That is why experience, in its original form—as the experience one gains—is one's own lived experience, which belongs to one's own life-history and is properly expressed in the first-person singular» (Ibid, p. 7).

21. «Time has the almost magic power to modify without altering: it confers to every lived experience the character of the past without touching upon its content. Temporal modification seems, therefore, to be an entirely unique kind of change: a transformation which does not presuppose any sublation or negation and does not engender any real difference, either; a transmutation which, consequently, does not exclude recognition, identification, or even the repetition of the same» (Ibid, p. 53).

22. «Ricoeur adds that this Husserlian view of time may be corroborated by a linguistic or grammatical argument.⁴ One can put the verb to be into the past tense (or, for that matter, into the future tense) without denying it. Consequently, temporal modification proves to be a positive modification which, in itself, has nothing to do with difference, alterity, and negativity. Therefore, one may claim that, in a certain sense, the is not ... any longer necessarily presupposes the was⁵» (Ibid, p. 54).

23. «My suggestion is that the phenomenological considerations on time should be centered upon experience rather than upon perception or upon self-identity in life-history. Here the term experience should be taken in the strong sense which has been assigned to it in the course of our considerations. Thus understood, it refers to the spontaneous formation of a new sense, which emerges, so to speak, behind the back of consciousness by thwarting all previous expectations. It indicates, consequently, an otherness than self-identity, an irremediable alterity in life-history which sometimes suddenly gives it a radical turn. This eruptivity is bound to leave its trace on the temporal constitution of experience» (Ibid, p. 57).

24. «Birth, origin, an inherited tradition: these are all facts we are not in a position to alter. Yet these by no means are responsible for initiating what is alien to our self in our life-history, as these fundamental facts precede all the beginnings from which we might claim a lively or vivid reality of experience for our life-history; this implies that these facts are passed down to us in the words of others, i.e., always in more or less ready-made interpretations. There is, however, a common trait in these interpretations: they carry sense fixations which make the above facts appear as the most specific elements pertaining to our self-identity» (Ibid, p. 78).

25. «...the formation of our self-identity finds its primary source in the self-identity of the sense emerging by itself. To account for this connection, three concepts will have to be introduced. These concepts are the following: initiative, undertaking, and adventure. They might be briefly characterized as follows: 1. When, in our life-history, a new sense makes its appearance, we are prompted to alter the dissemination of senses grasped and senses pushed aside. This attempt will here be called initiative. That we find ourselves included in a diacritical system of always both grasped and pushed-aside senses becomes clear for us—or at least dawns on us—when we are first prompted to take such an initiative. 2. The initiative gets revealed in a sense formation which simultaneously also means the fixation of self-identity in life-history. Yet the modification of the dissemination of senses grasped and senses pushed aside becomes, at the same time, the starting point of a sense formation emerging by itself. This sense formation does not only become the basis and the frame of the fixation of self-identity but gets connected to it as a part of a unified process as well. This unified process can be named undertaking. 3. The fixation of self-identity in a specific sense, as it gets connected with sense formation emerging by itself: this might be understood as the formation of self-identity. The formation of self-identity always fits into the framework of undertakings. Each undertaking refers back to an initiative which brought about a modification in the dissemination of senses grasped and senses pushed aside. Though we take such an initiative as a sign of our freedom, we may bring about processes which often

break out of the sphere of actions under our control, and become unmanageable. Therefore, each undertaking is an adventure. It is not only the adventure of our self-identity but, at the same time, the adventure of the sense as well: aventure du sens» (Ibid, p. 89-90).

26. Ibid, p. 95

Библиография:

1. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: M. Niemeyer, 1979 (1927).
2. Husserl E. Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins. In: Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Vol. 9. Halle a. d. S.: M. Niemeyer, 1928.
3. Kripke S. A. Wittgenstein on rules and private language: an elementary exposition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1984.
4. Moore G. E. Philosophical studies. New York: Harcourt, Brace & Co., Inc.; London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1922.
5. Moore A. W. Points of view. New York: Oxford University Press, 2000.
6. Popper K. R. The World of Parmenides. London and New York: Routledge, 1998.
7. Ricoeur P. Life in quest of narrative. In: On Paul Ricoeur. Narrative and Interpretation. Edited by D. Wood. London and New York: Routledge, 1991.
8. Russell B. Human knowledge: its scope and limits. London: Routledge, 2009.
9. Tengelyi L. The wild region in life-history. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2004.
10. Tengelyi L. Der Zwitterbegriff Lebensgeschichte. München: Fink, 1998.
11. Wittgenstein L. Tractatus Logico-philosophicus. London: Routledge & Kegan Paul, 1922.

How Can the Productive Interaction of Modern Philosophical Traditions Be Possible? (A Comparative Analysis of the Concept of Time in Russell's and Tengelyi's Works)

Sergei Kulikov

*director, Tomsk State Pedagogical University
634061, Tomsk, Kievskaya St., 60*

Abstract

The presented article compares the points of view on time developed in analytical philosophy and in phenomenology actively developed by B. Russell and L. Tengelyi. The objective of the study coincides with the identifying a common horizon for understanding time in analytical philosophy and phenomenology. This help to clarify the possibilities of productive interaction between analytical philosophy and phenomenology. The author of the article believes that a positive answer to this question can be ensured by a special thought experiment. The experiment involves assessing the perception of time in extreme circumstances in terms of phenomenology and analytical philosophy.

Keywords: time, experience, meaning, analysis, modern philosophy, comparative approach

Publication date: 30.12.2020

Citation link:

Kulikov S. How Can the Productive Interaction of Modern Philosophical Traditions Be Possible? (A Comparative Analysis of the Concept of Time in Russell's and Tengelyi's Works) // Studies in Transcendental Philosophy – 2020. – V. 1. – Issue 2-3 [Electronic resource]. URL: <https://transcendental.su/S123456780010707-8-1> (circulation date: 03.05.2024). DOI: 10.18254/S0010707-8-1